

«Сказочный» Чапаев в русской фольклорной традиции

Основной пласт советского фольклора составляют произведения, посвященные, с одной стороны, определенным персонажам, например, деятелям революции и социалистического государства (Ленину, Сталину, Ворошилову, Кирову, Чапаеву, Чкалову) или событиям (сражениям на озере Хасан, советским полярным исследованиям, открытию первой полярной станции), с другой – произведения, восхваляющие новшества советского быта (создание колхозов, строительство городов, московского метрополитена, введение прямого всеобщего избирательного права) [Козлова 2014].

В данной работе мы хотели бы обратить внимание на шесть произведений, которые собиратели и публикаторы называют «сказками» и в которых фигурирует образ вполне конкретного исторического персонажа, героя гражданской войны, Василия Чапаева [Паймен 1938]¹.

Нас будут особенно интересовать следующие вопросы: какие стороны личности и деятельности Чапаева и почему именно они оказались актуальными для сказочников, к каким традиционным сюжетам и мотивам прибегают сказочники, чтобы их осмыслить, имеет ли фигура Чапаева свою специфику при реализации того или иного фольклорного сюжета либо мотива.

Из множества исторических фактов, как известно, традиция отбирает не всё, а лишь то, что соответствует ее устойчивым повествовательным структурам, зачастую имеющим мифологический генезис [Байбурин, Левинтон 1983: 8; 1984: 231-232; Неклюдов 2007]. Что касается сказок, то их исполнителей волнуют в основном два вопроса: финальный эпизод из биографии Чапаева, т.е. его загадочная смерть и такое свойство его характера, как смекалка, находчивость.

Что касается смерти или, шире, смертности / бессмертия этого героя, то внимание сказочников именно к данной проблеме вызвали, по всей вероятности, три фактора: Чапаев умер в относительно молодом возрасте (ему было 32 года), на пике славы (был начальником пресловутой 25. стрелковой дивизии) и, в принципе, «при невыясненных обстоятельствах». Согласно официальной версии он утонул в реке Урал, пытаясь ее переплыть во время эвакуации после внезапного нападения на его штаб белоказаков. Его тело, однако, никогда не было найдено, не было тоже свидетелей этого события.

Неожиданная и преждевременная смерть социально значимой личности, в том числе вождя, почитаемого народом, всегда вызывает недоумение и порождает разные нарративы, в том числе сказки о том, будто он жив, только где-то скрывается [Hajduk-Nijakowska 1983: 20]. Поэтому закономерным следует признать появление после смерти Чапаева произведений, главным образом сказок, предлагающих, за одним исключением, именно такой альтернативный по отношению к общепринятому вариант развития событий.

Еще одной причиной обращения сказочников к загадке смерти Чапаева мог быть его образ неустрашимого, способного найти выход из крайне трудного положения командира, сложившийся в повести Фурманова (1923 г.), в фильме режиссеров Васильевых (1934 г.) и особенно в рассказах чапаевцев². В последнем типе произведений появляется очень интересный

---

¹ Летом 1936 года по следам Чапаевской дивизии была специально организована фольклорная экспедиция, которой руководил старший научный сотрудник Государственного литературного музея Виктор М. Сидельников. Большая часть собранного тогда материала была опубликована в сборнике под ред. В. Паймена [Паймен 1938].

² Как пишет В. М. Сидельников, 15 июля 1919 г., [т.е. тогда, когда Чапаев был еще в живых – И.Ж.], «в одной из центральных газет в «Письме с Уральского фронта» сообщалось, что «Некий Чапаев, самарский мужичок, бывший фельдфебель, в настоящее же время командир самой лучшей

вопрос неуязвимости Чапаева, якобы способного заговаривать пули³. Правда, этой поистине сказочной способностью красного командира наделяют белые, не способные рационально объяснить его военные успехи, но тем не менее демонологизация ими Чапаева работает в его пользу, становясь опосредованной формой его идеализации. Интересно, что сам Чапаев к приписываемому ему свойству относится, как можно предполагать, иронически, поэтому по отношению к сказам надо было бы говорить не о воспроизведении мотива неуязвимости, а об его трансформации («А чего меня охранять? Не бойтесь, меня никакая пуля не берёт. Идите домой» [Паймен 1938: 63])⁴.

Как упоминалось выше, обращаясь к вопросу смерти Чапаева, исполнители сказок предлагают более или менее оптимистический вариант развития событий. Наименьшей полемичностью, по крайней мере относительно трагического исхода событий, отличается сказка, записанная со слов карельского исполнителя Матвея Коргуева, которую он сочинил, услышав новину Петра И. Рябинина-Андреева⁵. В центре внимания сказочника не столько сам по себе вопрос гибели Чапаева – в его сказке герой тоже тонет в реке – сколько вопрос о ее причине, которую он пытается как-то рационализировать, оставаясь притом в пределах сказочной условности. С этой целью Коргуев прибегает к мотиву охранительного талисмана, широко используемого исполнителями разбойничьего фольклора, восходящего, однако, по всей вероятности, к мифологии⁶. Речь идет о волшебном кольце, которое Чапаев получает от своей тетушки перед тем, как отправиться на фронт:

– Слушай, племянник, вот я даю тебе кольцо. И это кольцо у меня ещё от мужа, принес с турецкой войны. И в этом кольце такая волшебная сила, што никакая тебя пуля не возьмет, и никакой тебя меч не сечёт. Ну, кольцо будет действовать только на суши, а уж на воды такой силы у него не будет, так што остерегайся воды.

Волшебное кольцо не только делает Чапаева неуязвимым для пуль и мечей, но и является источником его поистине богатырской силы, благодаря которой он совершает наиболее невероятные подвиги, например, борется в одиночку со множеством врагов:

И вот наступил бой кровавый. Тогда скочил Чапай на коня и пустился на неприятеля и начал он бить, как траву косить колчаковичей и денкинцей. И так он сильнѣ йих бил и мецѣм рубил и копьѣм колот, приходилось и из нагана бить. Не переставал он бить йих ни минутоцки. И не прошло даже шесть часов, как все полѣ было усеяно войсками. И этот Колчак не удержалсе и убежал с остальным своим войском.

многочисленной и дисциплинированной дивизии» пользуется огромной популярностью и «про него рассказывают целые легенды» [Сидельников 1980: 11].

³ Напомним, что пули не берут Стеньки Разина, украинских «опришков», словацкого Яношика: *Стреляют в них, стреляют, стреляют. – Стой-ко-те! – кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды повытряхивают пули и отдадут назад... Сенька заговаривал от пуль.* Следовательно, единственной причиной смерти героя часто бывает измена, особенно, если он обладает каким-нибудь аксессуаром бессмертия, например, поясом [Богатырев 1963: 51-52; Шептаев 1975: 108-109].

⁴ Заканчивается этот сказ следующим образом: «А когда погиб Чапаев, у нас долго разговоры были, будто Чапаев вовсе не погиб, а кто-то видал его, как он по лесу ходил».[Паймен 1938: 63].

⁵ Тот, в свою очередь, сочинил новину под влиянием кинофильма *Чапаев*, который впервые он просмотрел в 1935 году. Как вспоминает, корректировавшая работу сказителя в январе-феврале 1937 г. М. И. Кострова, «Под непосредственным влиянием этой кинокартины Петр Иванович... взял на себя торжественное обязательство создать былинку о Чапаеве... Каждый раз во время нашей совместной работы Петр Иванович приносил мне небольшой... написанный им отрывок... Эти наброски... рассматривались как им, так и мною как отправная точка работы». URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/74/1810.html> (дата обращения: 16.04.2014).

⁶Список аксессуаров („характеров”), обеспечивающих их владельцам продолжительные и блестящие успехи, довольно богат. Это и самсоновы золотые волосы или скрытое под кожей растение-талисман Добоша, повязка на бедро с вплетенными в нее волшебными нитками Яношика, рубящий по его же зову обушок, который в случае надобности может служить средством передвижения [Piasecki 1973: 115-116; Sulima 1985: 291-292]. Что касается русских «характерников», то владельцем наиболее удивительных аксессуаров был, пожалуй, атаман Степан Разин. К ним относится, например, кошма, которая переносит атамана и по земле, и по воде. Не менее поразительна и спрыг-трава под ногтями, от которой «спрыгивают» все замки. [Шептаев 1975: 110].

Однако волшебный талисман, как правило, одновременно и губителен для его обладателя, поскольку чудодейственные свойства этого предмета связаны с соблюдением определенных запретов. В случае Чапаева они сводятся к необходимости избегать всяческих водоемов. Запрет, естественно, нарушается, что приводит к драматической развязке, а именно – к гибели героя. В отличие от волшебной сказки, в которой нарушение запрета оборачивается лишь временной бедой, но в конечном счете действие приводит к положительному исходу [Пропп 1969:83]⁷, в «сказке» Коргуева смерть Чапаева окончательна и неотвратима.

Тут Василий Иванович и преставилсе. А уж недалёко было от берега. Да, а уж свои войска на помогу шли. Собрали подкрепленья и ударили на колчаковичей и деникинцей, разбили Колчака на голову и прогнали с совецкой земли.

Прославилсе Василий свет Ивановичь, по прозванию Чапаев, и почитают ёго по всей нашей земле. А семье ёго и матери дали пособие, не оставили в обидушку. И топерь о нём всё славитце, ну назад Василий не воротитце. На этом она и концилась (с. 6).

Эта ограниченная уязвимость сближает героя сказки Коргуева одновременно и с героями исторических преданий, и со сказочными, но в какой-то мере и отличает его от них. Сближает потому, что протагонисты именно этих видов народной прозы являются обладателями похожих волшебных аксессуаров. Связанный с ними запрет состоит в том, чтобы никому не выдавать секрет своей удачи, каковой герои преданий, похоже как и сказок – в соответствии с «правилами поведения» персонажей в данном жанре (запрет всегда нарушается!), – как правило, не сохраняют, что и приводит их к гибели [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001:25-27]. В противоположность героям преданий, Чапаев не виноват в нарушении запрета, по крайней мере, не нарушает его сознательно. В принципе, он – жертва собственной доброты и доверия к некой женщине (кстати, польки по происхождению), тайно подосланной к нему самим Колчаком, с целью установить место пребывания красного командира и проверить состояние его боевой подготовки⁸. С другой стороны, возможно, что на этот раз мы имеем дело с некоторым совпадением между возможными «событийными прецедентами» и теми повествовательными матрицами, которыми располагает устная традиция [Неклюдов 2004: 26-36]⁹.

После ожесточенного сопротивления врагу Чапаев все же отступает со своими бойцами и пытается переправиться на другую сторону реки, кстати, не Урала, а реки Белой¹⁰. Такое поведение героя отчасти противоречит его образу, сложившемуся в начальных эпизодах сказки, в которых он успешно давал отпор несметному количеству вражеских сил. Не противоречит, однако, законам эпической логики, согласно которой герой должен погибнуть именно в результате нарушения запрета, так сказать, независимо от степени его личного вмешательства¹¹. При этом стоит отметить, что сказка заканчивается чуть ли не по-былинному («Прославилсе Василий свет Ивановичь, по прозванию Чапаев, и почитают ёго по всей нашей земле»; «И топерь о нём всё славитце»), поскольку этими выражениями подчеркивается всеобщее признание заслуг Чапаева, память о которых сохраняется во времени [Селиванов 2009: 141].

⁷ Правда, есть сказки, которые плохо кончаются, но это объясняется влиянием на сказку несказочных жанров народной прозы [Костохин 1997: 15-18].

⁸ Мотив губящей героя женщины-предательницы имеет библейские соответствия (Суд., 16: 4-20).

⁹ Если верить автору статьи размещенной на сайте (например, исполнителем сказки *Жив Чапаев* автор статьи ошибочно считает Коргуева, в то время как она принадлежит Филониной), в гибели Чапаева виновата его вторая жена, Пелагея. Она сообщает белым место его пребывания после того, как муж не простил ей измены [Радзиевич 2003].

¹⁰ Замена Урала рекой Белой, возможно, связана с крупным успехом дивизии Чапаева, каким стало форсирование этой реки, приведшее к взятию Уфы 9 июня 1919 г. и к дальнейшему отступлению белых. В том бою Чапаева ранили тогда в голову, но он остался в строю. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/chapaev-vasiliy-ivanovich/> (дата обращения: 9.04.2014).

¹¹ В связи с этим вспоминаются обстоятельства гибели Ермака, который тонет в Иртыше, бросившись в него от напавших на сонных казаков татар, из-за своей тяжелой кольчуги, в которой его не брала пуля [Неклюдов 2007]. Тот же мотив «условной неуязвимости» разрабатывается Жирмунским [Жирмунский 2004:116-118].

Согласно другой версии, записанной от Фёдора Бузаева (*Сказка про Чапая*), Чапаев успешно преодолевает стихию воды, затем от преследовавших его белых скрывается в медвежьей берлоге, а, наконец, его спасает некий киргиз. Подобно волшебному дарителю он предоставляет Чапаеву чудесного коня, а также воинские доспехи в виде серебряной сабли и позолоченного ружья. По его указанию герой отправляется в путь, к горе Черная Орлица, которую он сможет покинуть лишь тогда, когда его народу будет угрожать смертельная опасность. Именно эта гора как указание на место постоянного обитания Чапаева, имеющая все признаки потустороннего мира, а также циклические выходы комдива оттуда на белый свет, позволяют предполагать, что в «сказке» Бузаева Чапаев наделяется неким вечным бытием, существуя по тем же законам, по которым существуют герои спящие в горах (АТ 766)¹². Разница в том, что он покидает свой приют несколько раз¹³.

На самом деле Чапаев остается в живых лишь в «сказке» Анастасии Филониной (*Жив Чапаев*). Раненого командира на ту сторону реки переправляет Петька (имя адъютанта Чапаева – влияние фильма). Чапаев не только поправляется, но и становится «большим начальником», справедливым и добрым. Однако из стыда, что противнику удалось застигнуть его врасплох, он продолжает жить под чужой фамилией. Обратим внимание, что эпитеты *справедливый* и *добрый* постоянны для образа царя из народной утопической традиции.

При всей разнице между этими трактовками Чапаева он в любом случае вовлекается в область фольклорно-мифологических представлений о народных заступниках, известных по русскому фольклору, а также по фольклору других народов, в нескольких своих вариантах [Чистов 2003: 55-57; Hajduk-Nijakowska 1983:]. См. таблицу:

Мотивы легенд об «избавителе»	Трансформация в сказках о Чапаеве	
	Сказка Ф. Бузаева	Сказка А. Филониной
<i>А. «Избавитель» намерен осуществить социальные преобразования</i>		
	— Я, — говорит, — Чапаев Василий Иванович, против белых борюсь, за свободную жизнь для трудового народа.	Воевать надо – сказал Чапаев, - пока всех буржуев да их генералов долой не выгоним. А воевать не будем – нас перебьют и свободу задушат. <...> Вот отвоюемся, коллективно будем жить. А пока, ребятки, воевать надо, твари кругом много расплодилось.
<i>В. Отстранение «избавителя»</i>		
	Беляки за ним на конях, а он от них бегом да бегом по лесу. Пули свистели над его головой — он только нагибался, приседал да и снова летел вперёд.	С собой оставил один только полк. Узнали про это генералы: так, мол, и так, с Чапаевым людей мало <...>. А когда в Лбищеве все спали, они и подкрались ночью-то. Видимо-невидимо, что твоя мошкара! Лбищев обложили. Слышит Чапаев — стреляют. Выбежал на улицу. Эге! Мошкары сколько! И выругался крепко — не доглядел, проспал...

¹² Возможно, в данном случае происходит актуализация сюжетов преданий о погибших воинах и их особом мире, восходящих в конечном счете к общенародным представлениям о «заложных» покойниках, но о менее опасной их категории, т.е. именно убитым воинам-богатырям [Новичкова 2001: 20].

¹³ Чапаев вновь оживает в годы Отечественной войны. В «сказках» Сычева он возглавляет советских бойцов в битве с немецкими захватчиками. И так, в сказке *Чапаев и бойцы Сталинграда* легендарный комдив появляется в окопах Сталинграда и ведет русских солдат в бой. В «сказке» *Жив Чапаев* он спасает Сталинград и штурмует Берлин во главе советских войск [Миллер 2006: 89].

<i>С. Чудесное спасение «избавителя»</i>		
	<p>Огляделся Чапай и видит — вправо кибитка стоит, а по степи лошади пасутся. Пошёл он туда <...>. Зашуршало что-то в кибитке, и вот из неё выполз дряхлый старик казах <...>. Встал старик на дряхлые ноги да ка-ак свистнет на всю степь широкую! Смотрит Чапай — от табуна жеребец скачет, да такой — описать даже невозможно <...>. Садись на коня и лети мимо леса всё время вправо и вправо. Пять ночей и пять дней скакать тебе и скакать на коне.</p>	<p>Только неправда, что Чапаев утонул. Генеральские побили чапаевских, правда, а Чапаев остался. Раненый, весь в крови, шатается <...>. Взвалил его Петька на себя, да в Урал-речку, да на себе и переправил за речку. Выходил там его.</p>
<i>Д. «Избавитель» скрывается, странствует или оказывается в заточении</i>		
<i>Д1. скрывается в пещере (на острове, к горах, в далеком городе, на чужбине и т.п.)</i>	<p>И принесет он [конь – И.Ж.] тебя к высокой горе Черная Орлица – про ту гору никто на земле не знает. Там раскинешь ты свой стан... Когда буржуи будут обижать бедный народ, ты станешь выручать его из нужды. (с. 22).</p>	<p>Выжил Чапаев и прозвище сменил, не Чапаевым стал прозываться, а по-другому, как-то. За ошибку свою, значит, чтобы стыда не было на людях.</p>
<i>Е. Встречи с «избавителем» или вести от него</i>		
<i>Е1. встречи с неузнанным «избавителем», его объявление и исчезновение</i>	<p>И знают только уральские степи, какие геройские подвиги совершал Чапай. Немало бывало случаев, когда он [Чапаев – И.Ж.] выручал из бед красноармейские отряды. Вот-вот погибнет отряд: сил у него мало и патронов нет – и вдруг откуда ни возьмись появится Чапай. Летит на огненном коне, как на птице, саблей серебряной помахивает, а бурка по ветру развеивается (с. 22). А потом, когда опомнятся, глядь — а Чапая и нет. И не верится им, был ли он тут в самом деле. Но многие уверяют, что видели Чапая. И на груди у него не один, а уже три ордена.</p>	<p>И сейчас, люди бают, жив Чапаев, большим начальником стал, справедливый такой, добрый.</p>

С одной стороны, мы можем констатировать наличие нескольких мотивов, формирующих основной сюжет типа «народный заступник»: белые намеревались убить Чапаева – защитника народных интересов и социальной справедливости (В), ему удалось избежать смерти (С), он до поры до времени скрывается (D), но в особенно трудные для народа времена объявляется и выручает его из беды (Е).

С другой стороны, мы можем указать на некоторые существенные отличия, по крайней мере, на три из них. Во-первых, в обеих сказках определяющим является не отстранение заступника, как в легендах XVII-XIX вв., а его сокрытие. Во-вторых, в сказке Бузаева мы имеем дело с некоторой компрессией мотивов Е, G и К. При отсутствии двух последних мотивов, согласно которым «избавитель» должен вернуться (G), чтобы осуществить социальные преобразования (K), понятно, почему заступничество Чапаева не имеет однократного и решающего характера, а приобретает вид циклических проявлений, продолжающихся во времени. В свою очередь в «сказке» Филониной идея заступничества существует лишь потенциально. На возможность ее реализации на практике указывают эпитеты «справедливый и добрый».

Во-третьих, в отличие от некоторых других народных заступников, например, «благородного разбойника» типа уральского Рыжанко или богатыря Ильи Муромца, освобождающего черниговцев от татарской осады [Чистов 2003: 49], заступничество Чапаева, скорее, не имеет эпизодического характера. Своими поступками он разрушает существующие

общественные отношения и борется за создание новых, воплощая таким образом социально-утопические идеи.

В нескольких сказках Чапаев обладает хитростью и сноровкой – чертами, присущими мифическому трикстеру. Успех обеспечивает ему «умение моделировать ответные реакции антагониста в выгодном для себя направлении» [Новик 1993]. Это особенно наглядно проявляется в сказке о том *Как Чапаев храбрым стал*, представляющей собой реализацию сюжетов *Фома Беренников* (СУС 1640), *Кто раздавит камень (выжмет из жернова воду)* (СУС 1060) и *Кто выше бросит камень* (СУС 1062)¹⁴.

На первый взгляд Чапаев кажется воплощением классического дурака, поскольку, подобно гриммовскому храброму портняжке [Grimm, № 20], носит пояс с надписью: «одним помахом сто побивахом», увековечивающей его победу над... мухами. Однако дальнейший ход событий показывает, что это не просто показатель его дурацкой природы, а форма передачи ложной информации, лежащая в основе действий любого сказочного трикстера [Новик 1993]. Жертвой его плутовских проделок падает случайно встреченный им великан, который из-за ничтожной внешности Чапаева несколько сомневается, что перед ним опасный противник. Соответственно, он вырывает дерево с корнями и предлагает Чапаеву занести его на высокую гору. Вместо этого герой вызывает антагониста на «предварительное» состязание (выжать воду из мела, бросить камень на большую высоту), т.е. прибегает к авторитарной тактике, не допуская к преуменьшению в глазах великана своих возможностей. Естественно, победу одерживает Чапаев, поскольку выжимает воду не из мела, а из творога, а вместо камня выпускает в небо жаворонка (обычные сказочные трюки), чего великан не замечает и, следовательно, признает Чапаева победителем. Третье, «основное», испытание показывает, что как трикстер Чапаев учитывает не только собственные интересы, но и стратегии великана-антагониста, от действий которого полностью зависит его окончательный успех. Лишь убедив противника в своей силе, он может теперь заставить его действовать в выгодном для себя направлении. Поэтому неудивительно, что в конечном счете они оба несут дерево на гору, причем невольному помощнику (великану) великодушно разрешается идти впереди и тащить дерево за корни, в то время как Чапаев держит дерево за верхнюю, якобы более тяжелую, часть.

Убедившись в том, что недостаток физических сил можно восполнить хитростью, а удачный трюк в состоянии спасти жизнь, Чапаев решает использовать открывшиеся ему возможности в благородных целях, а именно служить простому народу:

А Чапаев стоит и думает себе: «Какая сила огромная пропадает и кому служит она? Нет, храбростью и сметливостью своей я буду служить не княжнам, а народу».

И оттого, что Чапаев служил трудовому народу, слава о нем пошла огромная, хоть сам он и был маленький. А о великане, хоть он и был большой и сильный, – никакой славы не сохранилось.

Если сильному противнику трикстер демонстрирует свою готовность подчиниться, то трусливого он пугает [Новик 1993]. Именно на этом втором типе трюка построена одна из сказок (*Лихой командир*), в которой антагонистами Чапаева выступают белые.

Путившись в погону за собакой, утащившей приготовленного на ужин журавля, Чапаев с несколькими своими бойцами случайно наталкивается на довольно большой отряд противника. Как правило, в таких случаях трикстер должен предстать в глазах антагониста сильным и достаточно вооруженным. Сказанное объясняет, почему вместо того, чтобы дожидаться подмоги, Чапаев предпочитает действовать, хотя все его оружие составляют лишь факелы и несколько гранат. Результаты провокации превосходят любые ожидания. Захваченные врасплох, белые не только не сопротивляются, но впадают в такую панику, что утрачивают способность действовать рационально. При этом проявления их недееспособности весьма различны:

Белые – врассыпную, оружие бросают, а которые остались на месте – руки кверху подняли. Полковник-то ихний от ужаса с ума сошел и тут же застрелился. Вскоре все было покончено, с сотню оставшихся в живых Чапаев взял в плен. А пять человек из них – офицеров-гадов – тут же перестреляли. Трое солдат были вроде глупых, сидели и плакали. Чапай их отпустил домой [...] (с. 19.)

¹⁴ Рукописи, которых не было: в качестве источников упомянутой сказки авторы примечаний указывают лишь на два последних сюжетных типа [РКНБ 2001: 963].

Таким образом, осознав недостаточность своих сил, Чапаев использует свои преимущества и заставляет противника ретироваться. Если бы благодаря своей проницательности трикстера герой не предусмотрел, что белые поведут себя ожидаемым образом, т.е. в соответствии со стереотипом поведения глупых и трусливых противников, каковыми они, кстати, и изображаются в несказочной прозе, успех вряд ли был бы возможным.

«Сказкой» предусмотрена и такая ситуация, когда в качестве жертвы первоначально выступает Чапаев (*Чапаев и генерал*)¹⁵, причем его положение даже не невыгодное, а прямо опасное, угрожающее его жизни. Тем не менее, отнюдь не смущенный тем, что его со всех сторон окружили белые, т.е. заведомо более сильный противник, он предпринимает действия, приводящие к радикальной смене ролей. И хотя вопреки правилу не Чапаев как трикстер раздражает спесивого противника, т.е. белого генерала, а наоборот, несомненно уровень рефлексии последнего ниже, чем Чапаева:

Где у вас тут Чампалов-то? Покажите мне его. <...> А, испугался!.. Где ему супротив меня! Трус ваш Чампалов-то... Я б ему показал.

Тут выскочил Чапаев и говорит генералу:

– Вот, – говорит, – я Чапаев... А Чампалова на том свете ищи! – да как рубанет шашкой серебряной – из генерала и дух вон (20).

Затем следует еще один, не менее дерзкий поступок – на этот раз самих чапаевцев: «Да как нажали, как нажали [чапаевцы. – *И.Ж.*] на тьму тьмушую – все начисто изничтожили». Все же в конечном счете сказочником акцентируется не напор чапаевцев, а предприимчивость их командира: «Ну как, братцы, ловко я проучил генерала? <...> Всех генералов вот так же проучим»¹⁶.

Если рассматривать истории о Чапаеве-трикстере не как отдельные рассказы, а все тексты в совокупности, то можно сказать, что их герою скорее несвойственны пассивные формы защиты, хотя такая тактика поведения для трикстера вполне допустима [Новик 1993]. Чапаев всегда действует активно и наступательно, притом обычно в одиночку. В любом случае подчеркивается его превосходство как над противником, так и над его бойцами, даже если они в какой-то мере способствуют его успеху. Кроме того, Чапаев пользуется своей хитростью и изобретательностью исключительно для достижения благих целей.

В заключение стоит подчеркнуть, что фольклорный образ Чапаева – результат своего рода обобщения [Неклюдов 2007], приписываемые ему качества и поступки свойственны не только сказочным персонажам, но и героям многих других фольклорных жанров, в основном исторических преданий, утопических легенд, эпических песен и анекдотических сказок. В своей совокупности они образуют класс персонажей, которых можно условно назвать народными заступниками.

Список литературы

Архипова А.С. «Цари-избавители» и операции ГПУ // Живая старина, 2008, № 3, с. 47-50.

Архипова А. Последний царь-избавитель // Политический фольклор в России от Петра I до Горбачева / Под. ред. А.А. Панченко. М.: Новое издательство, 2013. С. 87-109.

¹⁵ В сборнике Т. Акимовой текст *Чапаев и генерал* публикуется как сказ [Акимова 1957: 81]. В связи с этим весьма примечателен не анализируемый в настоящей статье текст *Чанай*, опубликованный Бардиным. Несмотря на то что его герой обладает рядом совершенно фантастических свойств, например, огромной физической силой («Как станет с отцом бревна таскать, так, десяток вон; дом. класть — в день готов»), способностью дышать «из живот» («Глядит Петька, у него уши-то закрылись, голова без волос стала, а нос длинный в живот уперся. Он, значит, из живота себе дышит»), умением прыгать выше избы (<...> а камень и пал на Василия Ивановича. Тут бы ему и смерть. А он как прыгнет — да не низко прыгнул — повыше избы будет), притом постоянно ему помогает выступающий в роли волшебного помощника Ленин («По-моему, Чапай и силен-то был потому, что помогал ему во всем наш дорогой Ленин»), самим рассказчиком текст преподносится как «быль-бывальщина» [Бардин 1940].

¹⁶ Выдвижение на первый план роли вождя и преуменьшение роли его бойцов особенно характерно для исторических преданий [Богатырев 1963: 53].

Ахметова М.В. Современное функционирование легенды о возвращающемся «царе-избавителе» // Образный мир традиционной культуры. Сб. Статей. Сост. Д.М. Алексеевский, В. Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М., 2010. С. 294-306.

Богатырев 1963 - Богатырев П. Г. Образ народного героя в славянских преданиях и сказочная традиция // Русский фольклор 1963. Т. VIII.

Акимова 1957 — Сказы о Чапаеве. Сост. Т.М. Акимова. Саратов, 1957.

Байбурин, Левинтон 1983 — Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, Т. 32, 1983. С. 3-31.

Байбурин, Левинтон 1984 — Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 229 -245.

Бардин 1940 – Фольклор Чкаловской области. Сост. А.В. Бардин. [Чкаловск:] Чкаловское областное изд-во, 1940, № 259. С. 290–291. Сказ Чапай записан В. М. Полосатовым в г. Абдулине, Чкаловской области, со слов машиниста ж.-д. водокачки В. Н. Иванова (57 л.). Сказ напечатан в альманахе «Степные огни», Оренбург, 1938 г. С. 167.

Жирмунский 2004 - Жирмунский В.М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки. Сост. Б.С. Долгин, С.Ю. Неклюдов. М.: ОГИ, 2004. С. 116–118.

Козлова 2014 – Козлова И. В. «Теперь женщины в колхозах бригадирами»: советский феминизм в творчестве сказителей в 1930-е гг. // Rosja w dialogu kultur. Red. В. Żejmo. Toruń, 2014 (в печати).

Костюхин 1997 - Костюхин Е.А. Сказки, которые плохо кончаются // Живая Старина 1997. № 4. С. 15-18.

Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001 – Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001 (Сер. «Традиция–текст–фольклор: типология и семиотика»).

Миллер 2006 – Миллер Ф. Сталинский фольклор. Пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. СПб, 2006.

Неклюдов 1998 - Неклюдов С.Ю. “Событийные сценарии” повседневности // Слово как действие. М., 1998. С. 64-67.

Неклюдов 2004 – Неклюдов С.Ю. «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М., 2004. С. 26-36.

Неклюдов 2007 – Неклюдов С. Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. АБ-60. Сборник к 60-летию А.К. Байбурина. Редакторы: Н.Б. Вахтин и Г.А. Левинтон при участии В.Б. Колосовой и А.М. Пиир (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). С-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77-86. В данной работе я пользовалась текстом статьи, размещенным на сайте. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov27.htm> (дата обращения: 9.04.2014).

Новик 1993 - Новик Е. С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. Москва, 1993. С. 145-160. В данной работе я пользовалась текстом статьи, размещенным на сайте. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik5.htm>. (дата обращения: 9.04.2014).

Новичкова 2001 – Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб, 2001.

Паймен 1938 – Чапай. Сборник народных песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое гражданской войны В. И. Чапаеве // Сост. В. Паймен. Москва, 1938.

Пропп 1969 – Пропп В. Я. Морфология сказки. Москва, 1969.

Радзиевич 2003 – Радзиевич А. *Стратег с картошкой в сейфе*, URL: <http://www.utro.ru/articles/2003/09/01/227802.shtml> (дата обращения: 9.04.2014).

РКНБ 2001 - Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. Составители: Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, А.Л. Топорков. Москва, 2001. С. 963

Селиванов 2009 – Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М., 2009. С. 141.

Сидельников 1980 - Сидельников В. Чапаев в устной поэзии и творчестве Фурманова // Его же. Писатель и народная поэзия. Москва, 1980.

Чапаева 2005 – Чапаева Е. В. Мой неизвестный Чапаев. Москва, 2005.

Чистов 2003 – Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб, 2003.

Шептаев 1975 – Шептаев Л. С. Поэтика исторических преданий о Разине в свете истории жанра // Русский фольклор 1975. С. 102-113.

Hajduk-Nijakowska 1983 – Nie wszystko bajka. Polskie ludowe podania historyczne. Wybór, wstęp i komentarze J. Hajduk-Nijakowska. Warszawa, 1983.

Piasecki 1973 – Piasecki Z. Byli chłopcy, byli... Zbójnictwo karpackie – prawda historyczna, folklor i literatura polska. Kraków 1973. С. 115-116.

Sulima 1985 – Sulima R. Folklor i literatura. Szkice o kulturze i literaturze współczesnej. Warszawa 1985. С. 291-292.

Источники

Смерть Чапаева. Русская сказка. Записана в январе 1937 года со слов колхозника Матвея Михайловича Коргуева, 54 лет, в колхозе «Красный рыбак» Лоухского района, Карельской АССР. Сказка Коргуева *Про Чапая* цитируется по сборнику: *Сказки М. М. Коргуева*, кн. 1, записи, вступит. статья и коммент. А. Н. Нечаева, предисл. М. К. Азадовского, Петрозаводск 1939, с. 1-6. Притом сохраняется оригинальное правописание.

Жив Чапаев! Русская сказка. Записана в марте 1936 года со слов колхозницы Анастасии Ивановны Филониной в с. Куриловка, Куйбышевской области.

Сказка Про Чапая. Записана от колхозника из села Б. Таволжанка Пугачевского района Саратовской области Бузаева Федора Борисовича в июле 1936 г.

Как Чапаев храбрым стал. Сказка записана в с. Копыловке Майнского района Куйбышевской области от Гришкова Василия и Будаева Петра. Год записи не упоминается.

Лихой командир. Сказка записана в с. Копыловке Майнского района Куйбышевской области от Гришкова Василия и Будаева Петра. Год записи не упоминается.

Чапаев и генерал. Сказка записана в с. Семеновке Клинцовского района Саратовской области от Шлыкова Афанасия Сергеевича.